

DOI 10.15826/izv2.2017.19.1.012
УДК 930.2 + 394(470.54) + 008 +
+ 929 Турчанинов

Е. П. Пирогова
*Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
Екатеринбург, Россия*

ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА А. Ф. ТУРЧАНИНОВА 1789 г. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ТРАДИЦИЙ УРАЛЬСКОГО ДВОРЯНСТВА

Статья продолжает комплексный источниковедческий анализ Описи 1789 г., составленной после смерти владельца Сысертского горного округа А. Ф. Турчанинова¹. В статье рассматривается устройство и архитектурный облик сысертской усадьбы, подробно исследуется околоусадебное пространство. Реконструированные по материалам Описи интерьеры и обстановка господского дома А. Ф. Турчанинова позволили сделать вывод о двойственном характере уральской при заводской усадьбы, сочетавшей черты богатого европеизированного дворянского быта с элементами старого патриархального уклада. Другой вывод, к которому приходит автор, касается самого владельца усадьбы, представляющего собой переходный тип от купца-промышленника к дворянину. Стремясь соответствовать уровню родовитой знати, А. Ф. Турчанинов во многом ей подражал, не жалел средств на приобретение предметов роскоши, увлекался, следуя дворянской моде своего времени, коллекционированием. Сысертская усадьба с ее богатейшими коллекциями и книжным собранием представляла собой редкое для российской провинции того времени культурное явление. В целом Опись позволяет по-новому взглянуть на историю формирования дворянского сословия и малоизученной дворянской усадебной жизни Урала второй половины XVIII в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: исторический источник; опись имущества; Пермская губерния; сысертское имение; архитектура при заводской усадьбы; уральская дворянская усадьба; уральский заводчик А. Ф. Турчанинов; дворянское коллекционирование; усадебная культура.

В статье, посвященной Описи имущества А. Ф. Турчанинова, составленной после смерти уральского заводчика в 1789 г., уже был представлен этот во многом уникальный исторический источник, рассказано об условиях его появления, особенностях структуры, дан сравнительный анализ некоторых аналогичных описей имущества представителей уральской горнозаводской промышленности того времени, подробно представлены те части Описи, которые касаются преимущественно недвижимого и заводского имущества по трем заводам: Сысертскому, Полевскому и Северскому [см.: Пирогова, 2015а]. Рассмотрим

¹ Первая статья цикла была посвящена анализу преимущественно недвижимого заводского имущества, см.: [Пирогова, 2015а].

теперь, насколько позволяет Описание, вопросы, связанные с особенностями существования конкретной дворянской усадьбы Урала второй половины XVIII в. и, прежде всего, вопросы культурного (материального и духовного) наследия владельца Сысертского горного округа, попытаемся представить окружавший его домашний быт, круг интересов и увлечений.

К сожалению, по Описи сложно судить об архитектурном облике Сысертской усадьбы А. Ф. Турчанинова, а поскольку ее планы, как и сама усадьба, не сохранились, можно делать лишь общие предположения в этой области с учетом практики аналогичных построек того времени. Так, авторы коллективной монографии, посвященной истории архитектуры городской и сельской усадьбы, исследуя российские имения «промышленного назначения» XVIII в., делают вывод о том, что «промышленный комплекс занимал подчиненное место в ансамбле имения, а бесспорной доминантой всегда оставалась господская усадьба». При этом фабрика, по их наблюдениям, строилась «с расчетом украшения усадьбы, поблизости от ее парадного ядра», и «весь фабричный комплекс» становился «дополнительным звеном» в эффектной панораме всей усадьбы [Архитектура русской усадьбы, с. 13]. Но этот очевидно бесспорный для промышленных «имений-резиденций» центральной России вывод настолько же нельзя принять для дворянских имений промышленного Урала, насколько несопоставимы были масштабы, скажем, подмосковных мануфактурных производств и масштабы застройки, объемы оборудования и инженерных сооружений крупных уральских металлургических заводов.

Сысертский завод, где находилась главная (с конца 1760-х гг.) усадьба А. Ф. Турчанинова, являлся центром горного округа, его своеобразие, как и других городов-заводов, определялось «особенностями их размещения в природном ландшафте, климатической обусловленностью и главным образом приемами организации» самого завода во взаимосвязи со всеми составляющими его производство элементами [Лотарева, с. 23]. Усадьба заводовладельца не могла занимать в таком поселении центрального места, поскольку ведущим («структуроорганизующим» и «архитектурно-формирующим», по выражению Р. М. Лотаревой) ядром поселения становился завод с рекой (прудом) и плотиной. Металлургические заводы настолько органично включались в поселения, что «предопределяли рельеф, планировочную и объемно-пространственную композицию их застройки, т. е. размещение центра, трассировку уличной сети, типы зданий и сооружений, создание ансамбля и даже окружающий ландшафт». Такова была общая модель, но при этом определяющее влияние завода и его производственных систем на архитектурный облик всего поселения было весьма индивидуально и отличалось большим разнообразием [см.: Там же, с. 26–27]. Каковы были эти «индивидуальности» в Сысертском заводе по одной только Описи 1789 г. судить вряд ли возможно, но очевидно, что завод с его цехами (фабриками), плотиной, прочие службы и здания, включая заводскую контору (ее здание сохранилось), составляли единый сложный и взаимосвязанный комплекс с господской усадьбой.

Ансамбль самой дворянской усадьбы А. Ф. Турчанинова, как это следует из Описи, включал четыре господских дома, где выделялся размером (двухэтажный, «на каменном фундаменте», 30 жилых и 8 подсобных комнат) и яркостью («выкрашен красной краской») главный господский дом с многочисленными пристройками и службами. Усадьбу окружал обширный сад с оранжереями, редкими породами деревьев, многочисленными видами экзотических цветов и плодов, при ней находился птичник и большой зверинец. Вот какой увидел и описал эту усадьбу П. С. Паллас: «На левой стороне Сысерти виден... изрядной здешнего господина жилой дом, который ныне каменными флигелями, над прудом оранжереею, а на некоторой части плотины партерами украшен; внутри весьма хорошо убран...» [Паллас, с. 179]. Отметим, что упомянутый здесь партер, т. е. украшенная газонами, цветниками, фонтанами, статуями и т. п. открытая часть сада, располагался частично на самой плотине, что подтверждает единство усадебного и заводского комплекса в Сысерти.

При этом усадебный дом хотя и назван знаменитым путешественником и ученым «изрядным», явно не был похож на дворцовое сооружение, а представлял собой вполне типичный с точки зрения архитектуры, следовавший, по утверждению той же Р. М. Лотаревой, «народным традициям» дом уральского заводовладельца. Такие дома, пишет она, «отличались от домов мастеровых и рабочих большими масштабами зданий, построением, отделкой и обширностью вспомогательных служб, представляя единый градостроительный комплекс...», они, «как правило, были двухэтажными, с мезонинами, флигелями, зимними садами, бальными залами, парадными вестибюлями и фойе... к усадьбам примыкали сады и парки наподобие создаваемых при императорских дворцах...» [Лотарева, с. 100]. Обнаруженный исследовательницей в фондах РГИА проект реконструкции главного дома сысертской при заводской усадьбы 1833 г. позволил ей утверждать, что дом был изначально поставлен «на мощный каменный фундамент», «состоял из отдельных частей: каменной и деревянной», но далее, увлекшись, она стала описывать «своеобразную планировку» дома, надстроенный третий этаж, архитектурные «украшения» и пр. [Там же, с. 104], забывая, что использует в качестве источника своих построений лишь *проект* плана реконструкции дома (по всей видимости, так и не осуществленного), составленный почти через полвека после смерти А. Ф. Турчанинова. В реальности архитектура главного усадебного дома А. Ф. Турчанинова в Сысертских заводах, как уже было сказано, не отличалась своеобразием и была вполне типичной для Урала застройкой, выполненной местными мастерами. Пример Турчанинова скорее показывает, что он придерживался практики большинства уральских дворян-промышленников, стремившихся возводить роскошные особняки и усадьбы не столько на месте получаемых от заводского производства доходов, где они чаще и не жили, а в Москве и Петербурге. Сам А. Ф. Турчанинов (как и его современники Демидовы, Яковлевы, Лазаревы и др.) последние годы жизни провел в своем петербургском доме, там он выдал замуж старшую дочь и наверняка намеревался сделать выгодные партии для остальных детей.

В то же время надо понимать, что сысертская усадьба, связанная для ее владельца со счастливой семейной жизнью во втором браке, долгожданным рождением детей (в первом браке их не было), имела для него особое значение, а значит, непременно должна была отвечать требованиям удобства и уюта для проживания многодетной семьи. Возможно, именно дети не позволяли А. Ф. Турчанинову заниматься перестройкой усадебного дома, заставляя его уделять больше внимания околоусадебному пространству.

Действительно, если не архитектура самого усадебного дома, то количество и разнообразие садово-парковой архитектуры сысертской усадьбы могло придавать последней вполне «столичный» вид. Описание 1789 г. служит неоспоримым доказательством того, что турчаниновский сад, как и положено богатой дворянской усадьбе XVIII в., изобиловал не только диковинными цветущими растениями и плодами, в нем, следуя моде того времени, были гроты, фонтаны, искусственные водоемы, античные статуи [см.: Пирогова, Неклюдов, Ларионова, с. 82–83]. Так, в разделе «мозаических гротных вещей» Описи подробно перечислены фонтаны разных размеров и форм («с обезьяной», «с мальчиками, представляющими четыре времени года», в виде «мужика... с кузовом» и пр.), а также предназначавшиеся для фонтанов статуи: девятых «мальчиков, на зверях сидящих...», «морских зверей и китов», птиц, раков, многочисленных черепах, указано даже резное страусиное («строфокамилово») яйцо и много всевозможных «раковин морских» самых причудливых форм и цветов («жемчужная улиткой», «большая снаружи и з желта, серая с шишечками и внутри розового цвету, называемая пломбе», «большая ж снаружи белая с шишечками, изображающая звезду, внутри желтая», «...фиолетового цвету с шишечками и поперечными полосками, внутри с нацветом» и т. д.). Такое подробное поштучное описание раковин в Описи показывает, что для Урала того времени это были дорогие и редкие предметы роскоши. Отдельным разделом представлены разнообразные садовые статуи: античных сирен, «нептунов», аллегорические (например, «Правосудия статуя»), танцовщиц и лилипутов, пасторальных мальчиков и девочек с корзинками и цветами, крестьян с крестьянками [ГАСО, т. 1, л. 203 об.–205]. Повторимся: подобное изобилие вполне соответствовало великосветской моде екатерининского времени — другой вопрос, было ли это настолько же уместно и гармонично рядом с внешне скромным усадебным домом и окружающей природой, как в богатых дворцовых ансамблях екатерининских вельмож.

Посмотрим, насколько Описание позволяет судить о внутреннем убранстве дома. «Серцевина бытия любого поместья, — пишут авторы исследования, посвященного истории русской усадебной культуры, — внутренние покои главного дома, его парадные гостиные и жилые комнаты. Они образуют общую интерьерную среду, оказываясь связанными друг с другом и единым художественным оформлением, и самим характером своего назначения и использования. Эта интерьерная среда была чрезвычайно функционально устойчива...» [Аникст, Турчин, Шередега, с. 199]. Центром дома всегда являлся парадный зал,

предназначенный для торжественных церемоний, балов и званых обедов. Около него группировались другие помещения — гостиные и подсобные комнаты вроде «буфета» и «скатертной» [Аникст, Турчин, Шередега, с. 200]. При всех отличиях устройства лучших подмосковных усадеб XVIII в., их «столичных» масштабов и возможностей от провинциальной сысертской усадьбы, те и другие объединяла, очевидно, эта общая «интерьерная среда».

В устройстве быта своего дома А. Ф. Турчанинов во многом следовал принятой тогда дворянской моде, хотя, как мы покажем ниже, и не был в этом до конца последователен. Так, большая часть представленной в Описи мебели вполне соответствует обстановке тогдашних богатых домов и дворцов и, судя по описанию, часто напоминает характерный для той эпохи стиль рококо — промежуточный между барокко и классицизмом [подробно см.: Пирогова, Неклюдов, Ларионова, с. 72–77, 85–87]. С другой стороны, во второй половине XVIII в. в России уже утверждались каноны раннего классицизма, критерии которого также можно обнаружить при описании предметов обстановки турчаниновского дома. Как пишет искусствовед Л. А. Завадская, в России тогда в мебели «утверждались ясность, прямолинейность четких форм, простота декоративных решений», при этом «основными орнаментальными мотивами были розетки, листья аканта и лавра, гирлянды из цветов...» [Завадская, с. 88]. Описываемые ею появившиеся в екатерининскую эпоху новые, пришедшие из Европы формы мебели мы находим и в Описи 1789 г., в которой она представлена разнообразными бюро, кабинетами, конторками, комодами, шкафами, туалетами, кушетками, диванами, канапе, а также многочисленными столами и столиками разного назначения: письменными, ломберными, кофейными, рабочими для рукоделия, туалетными с зеркалами, дамскими, детскими. Хозяева и их гости увлекались игрой в карты, а также в шахматы и шашки. В Описи упомянут еще один новый тип сиденья, появившийся в XVIII в., — это шезлонг, который сочетал в себе кресло с затянутыми обивкой подлокотниками и спинкой, на сиденье которого лежала пуховая подушка, и приставленный к нему табурет той же высоты [Бирюкова, с. 121]. Мебель из Описи была выполнена из разных пород дерева (красного, черного, орехового) или белой резной кости, отделана мрамором, медной и золотой чеканкой, золотыми резными украшениями, в Описи указана и уже входившая в моду мебель китайской работы, покрытая характерным черным лаком с «росписью» золотом и живописью [ГАСО, т. 1, л. 30, 65–72 об.].

Отметим одну характерную деталь: изобилие в домах Турчанинова дорогой и модной мебели (европейской или сделанной русскими мастерами — из Описи, к сожалению, не ясно) не исключало наличия в домах немалого числа традиционных старинных русских коробов, сундуков, ящиков, деревянных «погребцов», скамеек, железных кроватей. Так, по-видимому, особо ценные вещи и предметы (например, сервизы) хранились в пронумерованных ящиках, неслучайно Опись фиксирует вес и стоимость их содержимого («итого весом два пуда, 26 фунтов, 19 золотников» и т. д.). В основном ящики были сделаны из сосны, окованы железом («черным», «белым» или «луженым») и покрашены в белый или

красный цвет, но был среди них один «красный кожаный», тоже окованный железом. Дорожный сервиз, например, был «в футляре, оклеенном красной кожей и окованном белым железом», а многочисленные наборы серебряных ножей, ложек и вилок находились «в черных хозовых (сафьяновых. — Е. П.) футлярах, внутри оклеенных малиновым бархатом». Разумеется, такая приверженность старому быту в виде обстановки времен «допетровской» Руси заметно отличала уральского заводчика от столичной знати; зато его стремление к роскоши, как мы покажем далее, — напротив, сближало.

Внутренние интерьеры дома были наполнены самыми разнообразными предметами обстановки, в частности, ставшими уже распространенными в России зеркалами (в «золоченых резных рамах» и пр.) и несчетным количеством часов, в основном сделанных во Франции, но были и английские: стенные, настольные, напольные, с курантами и без. Указанная в Описи стоимость некоторых из них очень велика: 225 руб. («колонной со статуей с золоченым убором»), 300 руб. («корабликом золоченные») и даже 500 руб. («в деревянном расписном цветами корпусе... с медным чеканной обронной работы украшением золоченным», с корзинкой «со цветами»). Одни настольные часы, например, были выполнены в виде золоченой вазы «на медном пьедестале», сверху которой находилась «медна змея, показывающая» время [ГАСО, т. 1, л. 78–86 об.].

Комнаты в доме были оклеены дорогими обоями, в них находились камины. О богатстве сысертской усадьбы А. Ф. Турчанинова свидетельствуют некоторые фрагменты Описи, которые уже были нами опубликованы под названиями: 1) «Часы, табакерки и других изделий из золота, серебра и жемчуга»; 2) «Электрические машины, приборы и оборудование»; 3) «Кареты и экипажи» [см.: Пирогова, Неклюдов, Ларионова, с. 316–333. Прил. 1.1; 1.2; 1.3]². К опубликованному перечню самых разнообразных табакерок (одна из них оценена колоссальной суммой в 1 800 руб.) можно добавить еще несколько десятков их из другого раздела Описи: лаковых, черепаховых, перламутровых, финифтяных, каменных («перелифтовых, яшмовых», одна порфиновая, «болших, средних и малых четвероугольных, овальных с томпаковой оправой...» — всего только каменных, по нашим подсчетам, 191 шт.) [ГАСО, т. 2, л. 38 об.], а также фарфоровых, серебряных резных, золотых, «медных золоченых и без золота» и пр., преимущественно немецких, «аглинских», китайских, но в том числе и «домашней работы», т. е. местного производства, как, например, «табакерка медная круглая под лаком тобольской работы с изображением Сибирской карты» [Там же, л. 110–112 об.]. Эти роскошные коробочки — свидетельства того, что невероятно популярное в XVIII в. увлечение нюханием табака, для хранения которого они создавались, было модным не только в «столицах», где они играли значительную роль в светской жизни [см.: Завадская, с. 92], но и в провинции, служа, по-видимому, кроме прямого своего назначения, то знаком внимания, то выполняя роль дорогого подарка.

² Указанные в публикации номера листов изменились только в Прил. 1.3, теперь это: д. 2531, т. 2, л. 55–59.

Турчаниновская усадьба была буквально переполнена предметами роскоши и дорогими вещами. Среди отдельных предметов, хранившихся в вышеупомянутых ящиках, обращают на себя внимание, к примеру, «азиатской серебряной кувшин чеканной по местам золоченой старинной» весом 1 фунт 21 золотник, «кружка с крышкой и ручкой на ножках с вырезанными цветами, с изображением деревянного строения, снаружи по местам, а внутри сплошь вызолочена» (2 фунта, 88 золотников) и несколько изделий, привезенных из Англии: «шандал (подсвечник. — *Е. П.*) аглинской работы чеканной с тремя перьями вкладными, в середине фигура Розонблюдца (? — *Е. П.*), на перье глухие чеканны листочками...», к нему в пару — «чеканной» поднос с той же фигурой и виноградной кистью, про оба сказано «весь белой», т. е., очевидно, фарфоровый и что «во всем весу 5 фунтов 84 золотника». Описание некоторых предметов из Описи напоминает изделия петербургских мастеров серебряного дела, которые часто использовали такие технические приемы, как чеканка, литье, полировка, канфарение, а бокалы и кубки украшали оттисками медалей и монет [см.: Завадская, с. 93]. А. Ф. Турчанинов вполне мог приобрести или даже заказать некоторые из своих столовых и чайных сервизов на Императорском фарфоровом заводе, и они просто «скрыты» в Описи среди других, перечисленных как: «чеканные», хрустальные, с позолотой, серебряные, «из раковины», «из кокосова ореха», «с медалями», с изображением «римских цезарей», Венеры, Бахуса, Адониса, Соломона, «цветов и купидонов» и пр. Иностранные изделия в Описи выделены, как, например, два столовых сервиза «аглицкой работы»: серебряной весом 17 фунтов 33 золотников и «обронной чеканной работы на ножках восемь солонок круглых и 8 ложечек», более 22 фунтов весом [ГАСО, т. 1, л. 87–97 об.]. Упомянутые восемь солонок отражают, надо думать, моду на соль разного цвета, которую ввела Екатерина II, любившая с этой целью употреблять в сервировке стола разные солонки, часто состоявшие из нескольких отделений [Завадская, с. 93].

Перечисленные в Описи новые для России XVIII в. формы столовой посуды в виде многочисленных чайников, кофейников, соусников, сахарниц свидетельствуют о широком распространении «новомодных напитков и пряностей», а также об употреблении сахара вместо меда не только «в просвещенном Петербурге» [Там же, с. 92–93], но и в провинции. С другой стороны, мы вновь замечаем ту же двойственность провинциального усадебного быта: модные столичные (европейские) тенденции, касающиеся сервировки стола и применения разных видов посуды, включая сервизы и пр., легко сочетались у А. Ф. Турчанинова с такими привычными для русского дома посудными формами, как стопы, чаши, кубки, четвертины, «чарки старинные», тарелки, кастрюли, чаны, судки, лотки, блюда, миски, кружки, а также самовары, рукомойники, лоханки. Немалые доходы от заводов позволяли Турчанинову не жалеть средств для того, чтобы делать свое жилище не только современным и модным, но и удобным, уютным, а значит, во многом привычным, традиционным. Здесь уместно напомнить, что А. Ф. Турчанинов был женат на собственной крепостной из рода Сушиных, что также могло способствовать сохранению патриархального быта в его доме.

Подобное сочетание современно-модного и традиционно-старого проявлялось и во внешнем облике А. Ф. Турчанинова, о чем позволяют судить разделы Описи с перечислением платья и уборов заводчика. Как и другие богатые люди того времени, он носил бархатные камзолы (перечислено 16 «камзолов без рукавов») и поверх них шубы, сюртуки («сертук телесного цвета»), фраки («мардаретового цвету фрак с воротником и обшлагами»), шелковые кушаки (у него их было 14), носил по моде того времени платки (атласные, «тафтяные» и «полутафтяные» — всего около 300), плащи и даже галстуки. Но вместе с этим европеизированным нарядом у Турчанинова любимыми, как показывает Описание, были различные кафтаны, принадлежавшие к старому русскому костюму, их описано много (всего 31): кафтан «бархатной железного цвету с лацканами», «бархатной полевой», «малиновой», голубой, «фиолетового цвету», «пестрикого цвету», «китайской желтой парчицы с золотыми тривочками кафтан». К ним добавлены еще суконные кафтаны: «березового цвету», «светло-зеленой кафтан», «капуцинного цвету кафтан с воротником», «кофейного цвету кафтан с бархатным воротником, лацканом и обшлагами малинового цвету», «двойного сукна алой с синим фрак с масифными (т. е. массивными. — Е. П.) золотыми пуговицами и шнуром...» и т. д. Был у Турчанинова даже «совик» — верхняя одежда северных народов из шкур, которую надевали через голову, шерстью наружу, с наголовником и иногда пришитыми рукавицами. Отдельным разделом расписаны поштучно 15 «брушлугов с рукавами», 13 «исподниц», 9 «шляфоров», 8 халатов, 27 принадлежностей «китайского шелкового платья». Одной строкой записаны «платья мужеского разного поношенного» — всего 21, «разных мехов и теплого платья тулупов» — 18 [ГАСО, т. 1, л. 118–144].

Кроме упомянутых меховых изделий в Описи значится много просто ценных мехов: лисиц («лисей чернобурых»), «голубых» и «белых» песцов, горностаев, «соболей разной доброты» («черевей белей с хвостиками»), включая «собольих черных хвостов» с указанием цены (322 штуки по 45 коп.), а также беличьих («сибирских белок») и волчьих шкур, росомах, бурундуков, зайцев голубых, «одна шкура медвежья черная с сединой». Кроме обычного была и «шкура белого медведя», а также «одна шкура пестренька нерпичья», «морского серенного котика, да три лоскута черных того». Указано еще 36 «шерлужек калмыцких и бухарских», 23 лоскута «пыжиковых, барсовых и волчьих», да редкий «мех в трех пластах лебязей серой». Всего, по нашим подсчетам, около 500 «мехов», кроме того, «перьяного убору» 13 и «шляп пуховых» 14 штук [Там же, л. 145–146 об.].

Кроме готовой одежды в Описи имеется целый раздел разнообразных тканей с указанием не только их количества (в кусках и аршинах) и общей стоимости, но и цены за 1 аршин, что может послужить дополнительным источником для изучения рынка и торговли того времени. Часто сукно указано в четвертях: «сукна десятичетвертового...», «девяти...», «восьми...», «семичетвертового...». Поражает многообразие тканей, привезенных на Урал из дальних уголков мира: бархатов венецианских, «вельвету», «полуплису», «парчиц французских», штофу («штофи»), «гранитуров», «люстрину», атласу, сукна (простого, а также «сукон

корновых», «сукна бреславского»), фланели, «горгурину», тафты («волнистых тафт»), шелковой материи, кисеи, ситцу, канф, саржи, сирсакер («сырсаков»), «канавату», «мексекелю, кутни»³, «разной суконной материи баек» и пр. — многие сотни, если не тысячи аршин [ГАСО, т. 1, л. 113–118 об.]. Любопытно, что Турчаниновым был даже выдан крупный вексель под залог кусков («штук») ткани, о чем упомянуто в Описи: «закладного от господина Шталмеева товару во взятых им на вексель 1 000 р. денег: батавыи 11 штук по 60 р. на 660 р., пекину одна штука по 54 р., атласу две штуки»⁴. К одежде и тканям в Описи добавлено: «пуговиц разных сортов» (перечислены поштучно с № 1529 по № 1543), а также «разных сортов денежных кошельков»: шитых золотом — 4, шитых золотом и серебром разных сортов с ленточками — 23, шелковых вязаных — более 200. О разнообразных и дорогих украшениях А. Ф. Турчанинова и членов его семьи можно получить общее представление из одних только названий разделов Описи: «бриллиантовых разных вещей сяхонтами и изумрудами», «сердечек», «перстней», колец, запонок, цепочек и пр. [Там же, л. 73–77 об.].

Опись фиксирует не только богатую обстановку дома, наполненного дорогими предметами роскоши и украшениями, она свидетельствует об известном уровне культуры ее владельца. Вполне в духе своего времени — времени расцвета русского дворянского коллекционирования — А. Ф. Турчанинов увлекался собиранием, например, произведений искусства. Так, его коллекция живописи, состоявшая из более чем 250 полотен, включала богатую портретную галерею русских царей и императоров, великих князей и княгинь, государственных деятелей, имела богатый раздел «картин живописных исторических», представленных, по-видимому, копиями со знаменитых полотен западных, преимущественно итальянских, мастеров (что было нормой для частных собраний того времени [см.: Савинская, с. 56]). Были у Турчанинова и картины местного происхождения, например, две «живописные... представляющие двух щук в кадках, пойманных в сысертском пруду», или другая, изображающая «истинное бытие, случившееся здесь в Сысертском заводе господину Дубинину живописная на холсте...», а еще одна — «Старуха, списанная на 105-м году от рождения» [ГАСО, т. 1, л. 59–65] — хранится ныне в Екатеринбургском музее изобразительных искусств.

Возможно, к коллекции живописи следует добавить раздел древнерусского искусства, так как количество «образов на холсте писанных» весьма значительно, составляет, по нашим подсчетам, 126 икон, что не обязательно свидетельствует о глубокой религиозности владельца, а скорее говорит о его любви к традиционному русскому искусству [см. подробнее: Пирогова, 2015б, с. 65–66]. Кроме того,

³ *Люстрин* — тонкая лощеная хлопчатобумажная, шерстяная, полушерстяная ткань с глянцевой блестящей поверхностью, выработанная из полугрубой пряжи; употреблялась в XVIII в. для изготовления мужских пиджаков. *Канфа* — прочный толстый китайский атлас. *Кутня* — азиатская полшелковая ткань. *Плис* — хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи, с ворсом, похожим на бархатный. *Сирсакер* — индийская ткань для летних костюмов.

⁴ *Батавия* — полшелковая материя, изготавливаемая на острове Ява. *Пекин* — шелковая ткань с рисунками, похожая на тафту, китайский узорчатый шелк.

в Описи указано несколько сотен «печатных разных эстампов», т. е. гравюр с изображением фасадов императорских дворцов и «першпектов» Санкт-Петербурга, Петергофа, Ораниенбаума, Царского села и других столичных пригородов, планов Москвы и «разных военных предприятий», многих «божественных листов» с изображением Афонских гор, «святого града Иерусалима», монастырей и образов «угодников» и «великомучеников», а также портретных изображений российских царей и императоров, «римских цесарей», сотни немецких и французских «раскрашенных листочков» [ГАСО, т. 2, л. 165–169]. Все это позволяет, на наш взгляд, говорить о существовании в сысертской усадьбе крупнейшей на Урале XVIII в. коллекции живописи и эстампов.

А. Ф. Турчанинов был обладателем ценнейшей, возможно, единственной на Урале, коллекции медалей. Насколько можно судить по Описи, эта коллекция составлялась достаточно тщательно со стремлением охватить все сюжеты русской истории, воплощенные в медалях с конца XVII в. (по случаю побед в Русско-турецкой войне) вплоть до 1770-х гг. Стоит отметить значительное число золотых медалей: 64 российских и 45 «чужестранных». Из серебряных русских медалей (всего их 372) большинство представлены двумя экземплярами, к ним следует добавить еще 54 иностранные, среди которых преобладают шведские [ГАСО, т. 1, л. 98–109]. Обращает на себя внимание наличие портретной серии русских князей и царей, отчеканенной в серебре, что, по мнению Е. С. Щукиной, является большой редкостью. В то же время приходится иметь в виду ее предупреждение о том, что «повышенный интерес к коллекционированию и редкость подлинных медалей петровского времени» во второй половине XVIII в. «породили практику так называемых “новоделов” — чеканку медалей на уже существующие сюжеты вновь созданными штемпелями, зачастую существенно отличающимися от оригиналов» [Щукина, с. 63]. Вряд ли возможно теперь узнать, были ли в данной коллекции медали-новоделы, но подлинность по крайней мере двух из них сомнений не вызывает: той, которой заводчик, по-видимому, дорожил особо, — медаль Экономического общества «с вырезанным именем господина Алексея Федоровича Турчанинова» (в Описи под № 1005) и еще одной — «с именем Никиты Акинфиевича Демидова» (под № 993). Кроме медалей Турчанинов увлекался нумизматикой, впрочем, в то время существенного различия между монетой и медалью не делалось — все «они рассматривались как равноценные исторические памятники» [Там же, с. 7]. К тому же монеты, в том виде, как они представлены в Описи, не поддаются идентификации. Количеством эта коллекция выглядит следующим образом: российской золотой «неходячей монеты» в ней было 583 экземпляра, серебряной 642, иностранной (голландской, бухарской, турецкой) — 2 325 золотой и 454 серебряной. В целом обе коллекции свидетельствуют о том, что их владелец был человеком, интересующимся отечественной и зарубежной историей.

А. Ф. Турчанинов собрал значительную коллекцию оружия (шпаг, кортиков, сабель, «ружей разных», ножей охотничьих, «разных шпажных и кортишных эфесов» и пр.), часть которой находилась в его петербургском доме [ГАСО, т. 2,

л. 22 об.–27]. Кроме того, он являлся обладателем богатейшей минералогической коллекции [см.: Пирогова, Неклюдов, Ларионова, с. 59–63] и любопытного палеонтологического собрания в виде различных «окаменелостей»: «...с печатными папоротниками», «наподобие бараньих рожков», червей, бабочек, «сот», «птичьих... язычков» или «наподобие голландского сыру», в Описи упоминаются также «аммонов рог» и больше сотни сталактитов с описанием «редкостной» формы [ГАСО, т. 2, л. 52 об.–54].

Наконец, в сысертской усадьбе Турчанинова находилась богатейшая библиотека, хранившаяся в отдельном помещении (возможно, даже здании). По самым предварительным подсчетам в ней было свыше пяти тысяч названий, что составляло более половины всего книжного репертуара изданий XVIII в. (а ведь из них следует еще вычесть издания, вышедшие после 1787 г.). Несомненно, что библиотека А. Ф. Турчанинова была крупнейшей на Урале того времени (для сравнения: его современник, уральский заводчик Н. А. Демидов, имел библиотеку, состоящую из нескольких сотен томов), ее состав и анализ достоин серьезного научного изучения, требует специального описания и реконструкции [Там же, л. 98–164 об.]. По той же причине лишь упомянем о существовании в Описи особого раздела с подробным перечислением «нот печатных инструментальных» («ариев», сонат, «трио», «симфоний» и пр.), а также духовых и скрипичных инструментов [Там же, л. 169–172 об.].

Подведем некоторые итоги. Вторая половина XVIII в. — время расцвета дворянского усадебно-производственного комплекса Сысертских заводов. Входивший в него главный усадебный дом А. Ф. Турчанинова не отличался своеобразием архитектуры, особым художественным уровнем, и весь комплекс представлял собой вполне типичную для Урала застройку, выполненную местными мастерами, следовавшими народным традициям. Отличие сысертской усадьбы от многих других уральских дворянских при заводских имений того времени состояло в том, что здесь ее владелец часто и подолгу жил с семьей (а наследники, после его смерти, постоянно, вплоть до 1917 г.). Этим, вероятно, можно объяснить то внимание, которое уделялось владельцем околоусадебному пространству с его богатым растительностью садом, фонтанами, гротами, античными статуями. Обретя уже в зрелом возрасте любовь и долгожданных детей, А. Ф. Турчанинов создал для их и своего удовольствия, следуя эталонам той эпохи, «райский уголок» единения природы и античного искусства — то, чего он не мог себе позволить, скажем, в Петербурге, где имел только богатый дом на Васильевском острове. При этом легко предположить, что обстановка и внутреннее убранство его столичного дома отличались не меньшим, если не большим, богатством и роскошью. Но только в своей уральской вотчине, вдали от великосветской знати и ее, как могло казаться А. Ф. Турчанинову, пристального к себе внимания, он мог себе позволить сохранить хотя бы элементы традиционного провинциально-патриархального уклада жизни, проявлявшегося в наличии в доме наряду с европейской мебелью (в стиле то ли рококо, то ли уже входящего в моду классицизма), всех тех сундуков, коробов, лавок

и пр., предметов посуды, которые перечислены в Описи, мог облачаться в пусть и устаревшую, но привычную и удобную одежду. Будучи одним из крупнейших уральских предпринимателей, А. Ф. Турчанинов представлял собой переходный тип от купца-промышленника (вспомним несметное количество кусков тканей в его доме) к дворянину, при том, что его происхождение остается неясным [см.: Пирогова, Неклюдов, Ларионова, с. 30–37]. Выбившись в «благородное сословие» благодаря своей исключительной предприимчивости, уму и изворотливости, он, подобно его современникам Демидовым, не мог не испытывать некоторого «комплекса неполноценности» перед родовитыми дворянами, тем более, что долгожданный именной указ о пожаловании А. Ф. Турчанинова потомственным дворянством вышел только за пять лет до его смерти. Всю свою жизнь заводчик стремился соответствовать уровню, прежде всего культурному, российской дворянской знати, во многом подражал ей, не жалея средств заставляя дома и имения не только предметами роскоши, но и книгами, различными коллекциями. Не получив, надо думать, систематического образования, А. Ф. Турчанинов всячески демонстрировал свою любовь к просвещению. Впрочем, уже современники высказывали сомнение по поводу того, что Турчанинов мог читать книги из своей библиотеки. Мы этого не можем знать наверняка, но важно, что его дети смогли получить образование (по крайней мере, домашнее), они воспитывались среди книг, которые читали с детства, учились музыке и игре на музыкальных инструментах, могли знакомиться с образцами европейского искусства, а после смерти отца унаследовали и поделили как библиотеку, так и все коллекции. Если их отец относился еще к «переходному типу», то они были уже полноценными дворянами.

Уникальность Описи 1789 г. как исторического источника состоит в том, что она дает комплексные, разноплановые и при этом достоверные сведения о заводах Сысертского горного округа, касающиеся как производственной и хозяйственной частей, так и устройства всего пространства дворянской при-заводской усадьбы, включая сведения о частной жизни владельца. Последнее особенно важно, так как Опись позволяет приоткрыть завесу над бытовой историей не только семьи А. Ф. Турчанинова, но и малоизученной дворянской усадебной жизни Урала второй половины XVIII в.

Источники

ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531. Т. 1, 2.

Исследования

Аникст М. А., Турчин В. С., Шередега В. И. «...в окрестностях Москвы»: Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков. М. : Искусство, 1979.

Архитектура русской усадьбы / под общ. ред. чл.-кор. РААСН Н. Ф. Гуляницкого. М. : На-ука, 1998.

Бирюкова Н. Ю. Западноевропейское прикладное искусство XVII–XVIII веков. Л. : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1972.

Завадская Л. А. Художественное ремесло Санкт-Петербурга // От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век. Каталог выставки. Вып. 4 : Две столицы / Государственный Эрмитаж. СПб. : Славия, 1999. С.88–93.

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII — первая половина XIX века. Екатеринбург : Сократ, 2011.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук : в 3 ч. : в 5 кн. СПб., 1770. Ч. 2. Кн. 1.

Пирогова Е. П. Новый источник изучения имущественного положения уральского заводчика А. Ф. Турчанинова: аналитический обзор описи 1789 г. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015а. № 3 (142). С. 131–143.

Пирогова Е. П. Отражение дворянской усадебной культуры Урала XVIII века в описи А. Ф. Турчанинова // Одиннадцатые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015б. С. 63–67.

Пирогова Е. П., Неклюдов Е. Г., Ларионова М. Б. Род Турчаниновых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург : Сократ, 2008.

Савинская Л. Ю. Русские коллекционеры западноевропейской живописи 1780-х годов. Вкус и стиль // Частное коллекционирование в России : материалы науч. конф. «Випперовские чтения — 1994». Вып. 27. М. : ГМИИ, 1995. С. 54–64.

Щукина Е. С. Два века русской медали: Медальерное искусство в России 1700–1917 гг.: Государственный Эрмитаж. М. : Терра, 2000.

Статья поступила в редакцию 04.11.2016

Пирогова Елена Павловна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры документоведения,
истории и правового обеспечения
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
620012, Екатеринбург,
ул. Машиностроителей, 11
E-mail: eppirogova@yandex.ru

Pirogova, Elena Pavlovna

PhD (History),
Associate Professor, Chair of Documentation,
History and Legal Support
Russian State Vocational-Pedagogical
University
11, Mashinostroiteli Str.,
620012 Yekaterinburg, Russia
Email: eppirogova@yandex.ru

**THE INVENTORY OF A. F. TURCHANINOV'S PROPERTY OF 1789
AS MATERIAL FOR THE STUDY
OF THE URAL NOBILITY'S CULTURAL TRADITIONS**

The article continues a complex source analysis of a unique inventory of 1789, drawn up after the death of A. F. Turchaninov, the owner of Sysert mining district. The author discusses the structure and architecture of the Sysert Manor, as well as the surroundings thereof. Referring to the materials of the Inventory, the author reconstructs the interior and the furnishing of A. F. Turchaninov's manor which allows her to conclude about the dual character of a Ural manor located on the site of works, which combined features of a rich European-like everyday life with elements of the old

patriarchal traditions. Additionally, the author concludes that the owner of the manor was a transitional type of an industrial merchant transforming into a nobleman. Aiming to reach the level of the nobility, A. F. Turchaninov imitated their ways and attitudes to a great extent, spent money on luxurious things, and was fond of collecting things, following the fashion of the time. The Sysert Manor with its abundant collections and library was a rare phenomenon for the Russian province of the time. Generally speaking, the Inventory helps get a better understanding of the history of the nobility and the little-studied manor life of the Urals during the second half of the 18th century.

Key words: historical source; property inventory; Perm Governorate; Sysert manor; architecture of a works manor; Ural manor; Ural entrepreneur A. F. Turchaninov; collecting done by the nobility; manor culture.

Anikst, M. A., Turchin, V. S., & Sheredega, V. I. (1979). «...v okrestnostyakh Moskvyy»: *Iz istorii russkoy usadebnoy kulturyi XVII–XIX vekov* [«...in the Neighbourhood of Moscow»: From the History of the Russian Estate Culture 17th–19th Centuries]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)

Biryukova, N. Yu. (1972). *Zapadnoevropeyskoe prikladnoe iskusstvo XVII–XVIII vekov* [Western European Applied Art of the 17th–18th Centuries]. Leningrad: Iskusstvo. Leningr. otd.-nie. (In Russian)

Gulyanitsky, N. F. (Ed.). (1998). *Arhitektura russkoy usadby* [The Architecture of the Russian Country Estate]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Lotareva, R. M. (2011). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Towns in Russia. 18th – First Half of the 19th Century]. Yekaterinburg: Sokrat. (In Russian)

Pallas, P. S. (1770). *Puteshestvie po raznyim mestam Rossiyskogo gosudarstva po povelenu Sankt-Peterburgskoi imperatorskoi akademii nauk* [A Journey to Different Places of Russia at the Order of the Saint Petersburg Imperial Academy of Sciences] (Parts 1–3, Books 1–5). (Part 2, Book 1). Saint Petersburg. (In Russian)

Pirogova, E. P. (2015a). Novyy istochnik izucheniya imuschestvennogo polozheniya uralskogo zavodchika A. F. Turchaninova: analiticheskiy obzor opisi 1789 g. [A New Source in the Study of Ural Entrepreneur A. F. Turchaninov's Property: An Analytical Review of the Inventory of 1789]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 3 (142), 131–143. (In Russian)

Pirogova, E. P. (2015b). Otrazhenie dvoryanskoy usadebnoy kulturyi Urala XVIII veka v opisi A. F. Turchaninova [Reflection of the Noble Estate Culture of the 18th Century Urals in Inventory of A. F. Turchaninov]. In G. E. Kornilov (Ed.), *Odinnadtsatyie Tatischevskie chteniya: materialy vseros. nauch.-prakt. konf.* [Eleventh Tatishchev Readings] (pp. 63–67). Yekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI. (In Russian)

Pirogova, E. P., Neklyudov, E. G., & Larionova, M. B. (2008). *Rod Turchaninovykh: Kulturno-istoricheskie ocherki* [The Turchaninov Family: Cultural-Historical Essays]. Yekaterinburg: Sokrat. (In Russian)

Savinskaya, L. Yu. (1995). Russkie kollektioneryi zapadnoevropeyskoy zhivopisi 1780-h godov. Vkus i stil [Russian Collectors of Western European Art of the 1780s. Taste and Style]. In *Chastnoe kollektionirovanie v Rossii. Materialy nauch. konf. "Vipperovskie chteniya – 1994"* [Private Collecting in Russia] (Issue 27, pp. 54–64). Moscow: GMII. (In Russian)

Shchukina, E. S. (2000). *Dva veka russkoy medali: Medalernoie iskusstvo v Rossii 1700–1917 gg.: Gosudarstvennyi Ermitazh* [Two Centuries of Russian Medals: Medal Art in Russia between 1700 and 1917: The State Hermitage Museum]. Moscow: Terra. (In Russian)

Zavadskaia, L. A. (1999). Hudozhestvennoe remeslo Sankt-Peterburga [Saint Petersburg Works of Art]. In *Ot voynyi k miru. Rossiya – Shvetsiya. XVIII vek. Katalog vyistavki* [From War to Peace. Russia – Sweden. The 18th Century. Exhibition Catalogue] (Issue 4: Dve stolitsy [Two Capitals], pp. 88–93). Saint Petersburg: Slavia. (In Russian)